

Но на одно закрывать глаза невозможно: свобода смеха нуждается в гораздо более деликатном и мягком определении ее границ, нежели это случилось в наши дни со свободой выражения. Идея ограничения свободы смеха «правами других лиц» или «необходимостью общественной дискуссии» прямо противоречит самой сути смеха, его направленности на сверхпреодоление нормы как условности, избавление духа и освобождение человеческого интеллекта от любых догм, авторитетов и страхов. Так что, возможно, и хорошо, что этого права не знает общепризнанная номенклатура прав человека: серьезная правовая дискуссия по этому поводу еще только предстоит, – а до тех пор, по крайней мере, нам никто не запретит смеяться.

*Елена Уварова,
кандидат юридических наук,
Дмитрий Вовк,
кандидат юридических наук
(г. Харьков)*

СВОБОДА СЛОВА И СВОБОДА ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ: НЕИЛЛЮЗОРНОСТЬ БАЛАНСА

Нет никаких сомнений в том, что расстрел журналистов и правоохранителей в редакции Charlie Hebdo – ужасная трагедия. Терроризм является абсолютным злом. Между тем, эта террористическая атака породила новую волну дискуссий о допустимом соотношении свободы слова и свободы религии, светскости и чувств верующих в западных обществах. И в этом контексте важно подчеркнуть: тот факт, что радикальные группы используют террор, нельзя считать аргументом в пользу снятия с повестки дня проблемы, решение которой не может сводиться к тезису об очевидной ценности свободы слова, не нуждающейся в исключениях (кроме известного запрета кричать «Пожар!» в переполненном театре). Ведь самое неправильное, что мы можем

вынести из случившегося, – вывод о том, что террор – это то, как мусульмане защищают свои права в Европе.

Суть подобных дискуссий (с известной долей упрощения) можно свести к трем основным точкам зрения: либеральной, консервативной и антизападной. Либералы утверждают, что свобода слова священна, и каждый может выражать свои мысли и убеждения, как считает нужным, даже если это связано с жесткой критикой религиозной или иной моральной системы. Консерваторы считают, что религиозный экстремизм – следствие мультикультурности и чрезмерной терпимости, культивируемой в европейских странах. Если бы европейцы не были так толерантны к другим культурам, более жестко и последовательно отстаивали свои ценности, не потакали мигрантам из незападных стран, то таких проблем не было бы. Антизападники говорят о том, что европейцы сами провоцируют расправы над журналистами, политиками и деятелями искусства, равно как и терроризм как таковой, поскольку игнорируют традиции других народов (конечно, угнетенных и обиженных европоцентризмом и колониальным прошлым), а также отказываются понимать религиозные убеждения мусульман.

Аналогичные споры о соотношении свободы слова и свободы религии, об отношениях между Западом и мусульманами, о месте религии в либеральных демократиях в целом имели место после датской саги о карикатурах на пророка Мухаммеда и убийств политика Пима Фортейна и режиссера Тео ван Гога, снявшего фильм «Покорность» о насилии над мусульманскими женщинами. Однако нельзя не заметить, что теперь преобладают несколько иные настроения. Давайте вспомним, как развивались события, когда датская газета Jyllands-Posten в сентябре 2005 года опубликовала 12 карикатур на Пророка Мухаммеда.

Предысторией к публикации послужило то, что датский писатель Коре Блюйтген написал популярную книгу об исламе для детей, однако не смог найти ни одного художника, который согласился бы без условия сохранения анонимности нарисовать к ней иллюстрации. В качестве реакции на такую ситуацию в газете была опубликована статья о самоцензуре, свободе слова и несвязанности немусульман исламским священным писанием. Иллюстрациями

к данной статье послужили те самые 12 карикатур, нарисованные двенадцатью разными людьми¹. Их публикация повлекла за собой целую серию событий, теперь известных как карикатурный скандал, или кризис.

Именно тогда в аспекте «кризисных карикатур» были подняты вопросы о соотношении между свободой самовыражения, с одной стороны, и правом на свободу вероисповедания и религии, с другой, о возможности нахождения неиллюзорного баланса между двумя названными ценностями, о допустимости ограничений свободы самовыражения, и в частности свободы творчества, по религиозным мотивам, о том, что считать пропагандой религиозной ненависти, подстрекательством к дискриминации, вражде или насилию?² Тогда же были озвучены мысли по поводу того, что карикатуры, как бы там ни было, стали достоянием общественности и могут служить средством нанесения обиды на десятилетия вперед, а люди исламского вероисповедания пострадали от оскорбления, нанесенного их вере, возможно, куда сильнее, чем если бы обида была нанесена им самим. И в то же время, нельзя отказаться от понимания того, что сами религии (или их толкователи) не могут выступать арбитрами в решении вопросов о том, что может быть высказано и что нет, иначе это налагало бы значительные ограничения на общественный дискурс.

Основной лейтмотив после событий 2005 года звучал так: вопрос о свободе слова, мысли, самовыражения и свободе религии следует рассматривать с точки зрения баланса и взаимодополняемости конкурирующих прав. Модель такого баланса не может быть навсегда установленной и неизменной, она не может не зависеть от исторического контекста, культуры и традиций, иной специфики конкретного общества³. Защита мирного сосуществования в современных мультикультурных обществах требует баланса

¹ Позже Флемин Роуз как культурный редактор газеты в качестве объяснения публикации, в частности, говорил о том, что мусульмане оказались лишь в выигрыше от публикации карикатур. Тем самым было проявлено такое же отношение к исламу, как и к другим религиям – христианству, буддизму, индуизму и другим религиям. Мусульманам таким образом, по мнению Флемин Роуз, было направлено сообщение о том, что «они являются частью нашего общества, что они не чужие».

² Mohamed Saeed M. Eltayeb. The Limitations on Critical Thinking on Religious Issues under Article 20 of ICCPR and its Relation to Freedom of Expression // Religion and Human Rights. – 2010. – № 5. – P. 120.

³ Там же. P. 121.

между свободой выражения мнений и свободой религии и, следовательно, неразжигания расовой или религиозной ненависти¹.

Инцидент 2005 года привел к принятию целой серии различных документов в ООН и в европейских институтах, в которых в частности нашли отражение следующие позиции:

- в ответ на публикацию карикатур на Пророка Мухаммеда в средствах массовой информации в некоторых странах, начиная с конца 2005 года, Специальные докладчики ООН по вопросам о свободе религии или убеждений, о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, а также по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости отметили, что «мирное выражение мнений и идей, устно, через прессу или другие СМИ, всегда должно быть терпимым. У прессы должна быть большая редакционная свобода по содействию свободному потоку новостей и информации, в пределах национальных границ, что тем самым обеспечивает арену для дискуссий и диалога. Тем не менее, использование стереотипов и штампов, оскорбляющих глубоко укоренившиеся религиозные чувства, не способствует созданию атмосферы, благоприятной для конструктивного и мирного диалога между различными общинами. Специальные докладчики призвали все стороны воздерживаться от любых форм насилия и избегать эскалации ненависти. Они также призвали государства обеспечить взаимосвязанный и неделимый характер прав и свобод человека и выступили за использование средств правовой защиты, а также мирный диалог по вопросам, которые находятся в центре всех мультикультурных обществ» (п. 38)²;

- представители средств массовой информации, а также общество в целом, должны осознавать то потенциальное воздействие, которое идеи, ими распространяемые, могут оказывать на культурные и религиозные чувства. Распространение нетерпимости и дискриминационных взглядов, в конечном счете, приводит к конфликтам и не способствует реализации прав человека.

¹ The Report of the UN Special Rapporteur on Contemporary Forms of Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance, Mr. Doudou Diene, UN Doc.A/HRC/6/6, pp. 16–17.

² Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development / Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief, Asma Jahangir // <http://www.strasbourgconsortium.org/docs/20%20July%202007.pdf>.

Объединениям средств массовой информации и ассоциациям журналистов, в сотрудничестве с национальными и международными организациями, следует организовывать регулярные учебные программы для работников СМИ по правам человека в целях повышения профессиональной этики и чувствительности к культурному разнообразию (п. 84)¹;

- такая практика, как стереотипы и оскорбления этнических, национальных, социальных или религиозных групп, имеет серьезные и разрушительные последствия для развития диалога между различными общинами и их совместной жизни (п. 64)²;

- реализация свободы выражения мнений представителями СМИ требует от них здравого смысла, разумности и чувства ответственности. <...> Поляризация мнений может усилить этническую и религиозную ненависть, тем самым ставя под угрозу зыбкое социальное и культурное равновесие и гармонию мультикультурного общества (п. 45)³;

- независимые СМИ, ассоциации средств массовой информации должны проявлять бдительность при использовании форм выражения, характеризующихся диффамацией религий и дискриминационными коннотациями в отношении этнических и других уязвимых групп населения. Неразборчивое использование стереотипов по отношению к женщинам, меньшинствам и другим группам населения, особенно мигрантам и лицам, ищущим убежища, ставит под угрозу общественную дискуссию. Эти формы выражения также оказывают негативное влияние на качество журналистики <...>. В связи с этим ассоциации СМИ должны систематически организовывать подготовку по вопросам прав человека, при необходимости с помощью соответствующих органов ООН и других экспертных организаций, для своих членов в целях повышения профессиональной этики и знаний в области прав

¹ Human rights council seventh session agenda item 3 promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development / Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Ambeyi Ligabo // <http://www.strasbourgconsortium.org/docs/28%20Feb%202008.pdf>.

² Там же.

³ Human rights council fourth regular session item 2 of the provisional agenda implementation of general assembly resolution 60/251 of march 2006 entitled "human rights council" / Report of the special rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Ambeyi Ligabo // <http://www.strasbourgconsortium.org/docs/2%20Jan%202007.pdf>

человека. Ассоциации СМИ должны также обеспечить, чтобы наиболее чувствительные социальные вопросы постоянно обсуждались на профессиональных форумах (п. 78)¹.

Тогда же было сделано совместное заявление Генерального секретаря ООН, Генерального секретаря Организации Исламского Сотрудничества и Верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности: «Мы полностью придерживаемся права на свободу слова. Однако мы понимаем глубокую боль и возмущение, которые почувствовал мусульманский мир. Мы считаем, что свобода прессы влечет за собой ответственность и осмотрительность, и должна уважать убеждения и принципы всех религий»².

Кроме того, после резонанса 2005 года в повестку дня международного права прав человека снова вернулся вопрос о создании механизмов по предупреждению диффамации религии. Никто не отрицает, что главной движущей силой в этом вопросе выступила Организация Исламского Сотрудничества, давно настаивавшая на том, что существующая международно-правовая база не может в достаточной мере в современном мире обеспечить баланс между свободой слова и защитой религии: недостаточно защищать религиозные чувства – напрямую должна быть защищена религия от оскорбления. Данные меры осуществлялись одновременно с попытками мусульманских объединений получить от международных судебных институций решение, дающее правовую оценку карикатур. Но и Европейский суд по правам человека, и Комитет ООН по правам человека отклонили соответствующие заявления по процессуальным основаниям.

Тем не менее, диффамации религии был посвящен целый ряд документов, принятых в рамках структур ООН. Однако международное право не отказалось от своей давней позиции, согласно которой защите подлежат права человека, а не религии либо иные убеждения. Несмотря на то, что от инициативы установления международных стандартов защиты религии от диффамации отказались (и на данный момент царит как будто всеобщее понимание ее

¹ Там же.

² Aurel Sari. The danish cartoons row: re-drawing the limits of the right to freedom of expression? // UN Doc. SG/2105, 7 February 2006.

некорректности и несоответствия доктрине прав человека в целом), тем не менее, сама постановка вопроса в подобном ключе лишний раз свидетельствует, что отношение к датским карикатурам в мире либеральной демократии было несколько иным, нежели к карикатурам Charlie Hebdo. Но делает ли тот факт, что на редакцию была совершена террористическая атака, «карикатуры хорошими»¹? И выступает ли это достаточным основанием для того, чтобы пересмотреть понимание толерантности?

Именно включенность обсуждаемого нами сегодня вопроса в гораздо более широкий контекст проблемы толерантности в либеральных демократиях делает его таким сложным. Известно, что свобода сопряжена с рисками. Поэтому сама же свобода призывает нас толерантно относиться к тому, к чему мы можем испытывать отвращение или даже ненависть, что может подрывать нашу веру в Бога, страну или все человечество. Глобализация, обеспечивающая быстрый доступ к любой информации, независимо от границ и культур, приводит к тому, что люди, придерживающиеся разных взглядов на мир, имеющие разные убеждения и разную веру, живут в гораздо большей близости друг к другу, что делает необходимость терпимости еще более острой.

Практически все либеральные демократии сталкиваются в той или иной степени с этнокультурным разнообразием. Они все могут быть описаны как «мультикультурные»², в том числе с точки зрения религиозного многообразия. Считается, что идея толерантности возникла в XVII веке именно как ответ на религиозные конфликты. Однако если тогда, как утверждает Л. Цукка, это были конфликты, в основе которых – теологические разногласия, то теперь – это религиозные конфликты, обусловленные политическими противоречиями. Это конфликты, возникающие в связи с вопросом о том, может ли верующий человек привнести свою религию в публичную сферу в связи с необходимостью согласовывать с ней свое поведение – в школе, в парламенте, в суде, на улице. Религиозный плюрализм долгое время не был характерен для

¹ In the Wake of Charlie Hebdo, Free Speech Does Not Mean Freedom From Criticism by Jacob Canfield // <http://www.hoodedutilitarian.com/2015/01/in-the-wake-of-charlie-hebdo-free-speech-does-not-mean-freedom-from-criticism/#sthash.PN5GLweO.dpuf>.

² Will Kymlicka, Raphael Cohen-Almagor. Democracy and Multiculturalism / in Challenges to Democracy: Essays in Honour and Memory of Isaiah Berlin, by ed. R. Cohen-Almagor. – London : Ashgate Publishing Ltd., 2000. – P. 89.

Европы. Да и сейчас многие государства Европы сохраняют достаточно однородные общества. Однако времена меняются и многообразие, в том числе религиозное, заметно растет¹.

Возникает большое количество вопросов. Среди них – вопрос о том, как либеральные государства должны реагировать на случаи, когда иммигранты, культурные или национальные меньшинства требуют для себя «право» на защиту своих исторических обычаев, ограничивающих основные гражданские свободы представителей таких групп? Простой задачей для либеральных государств является удовлетворение потребностей, которые сами по себе являются либеральными. Однако некоторые меньшинства хотят иметь возможность отказаться от либерализма, и организовывать свою жизнь согласно своим традициям. Не является ли это частью того, что составляет культурное отличие и что либерализм взятся защищать? Что если, к примеру, представители меньшинства, утратив возможность следовать традиционным гендерным ролям, лишатся части того, в чем заключается для них смысл существования (*raison d'être*)? В самом деле, разве не является крайней нетерпимостью попытка заставить национальное или религиозное меньшинство организовать свою жизнь в соответствии с «нашими» либеральными принципами?² Эти сложные вопросы порождают конфликты не только между либералами и нелибералами, но и во многом внутри самого либерализма.

Вот и теперь парижская трагедия многих либералов заставила осудить ислам, провозгласив Charlie Hebdo практически Checkpoint Charlie западной цивилизации. Консерваторы вспомнили о недальновидной миграционной политике, окружившей Париж арабскими предместьями. А антизападники всех мастей с чувством глубокого удовлетворения принялись либо оправдывать террористов, которые якобы просто ответили на многократное попрание своих святынь. Такие дебаты являются игрой с нулевым результатом, ведь в их результате не предлагаются практические решения, позволяющие выйти из образовавшегося тупика.

¹ Lorenzo Zucca. Tolerance or Toleration? How to Deal with Religious Conflicts in Europe / Lorenzo Zucca // <http://ssrn.com/abstract=1592425>.

² Will Kymlicka, Raphael Cohen-Almagor. Democracy and Multiculturalism / in Challenges to Democracy: Essays in Honour and Memory of Isaiah Berlin, by ed. R. Cohen-Almagor. – London : Ashgate Publishing Ltd., 2000. – P. 89.

Те, кто настаивает, что существует строгая непреодолимая дихотомия, выражающаяся в терминах «столкновение цивилизаций» и в конфликте фундаментальных ценностей, отказываются от поиска компромисса. Эти ценности, по их мнению, являются столь глубоко укоренившимися и даже священными для каждой из цивилизаций, что не может быть никакого диалога как необходимого условия для его поиска. Другими словами, в рамках такого подхода каждая сторона занимает фундаменталистскую позицию – будь то светско-либеральную или исламистскую. Ведь принято считать, что западная демократия исходит из того, что нет ничего святого, когда речь заходит о свободе слова. Ничего – ни религия, ни патриотизм или даже семья – не находится вне критики, вплоть до комического презрения. Иначе говоря, нет ничего в жизни, в чем можно быть абсолютно уверенным, ведь именно оно может стать предметом обсуждения на рынке идей¹. Здесь также нельзя не вспомнить о ценности самовыражения, праве автономной личности высказывать любые свои мысли, просто потому что демократия должна признавать такую возможность, если хочет называться таковой.

Проблема, однако, в том, что фундаменталистская риторика не позволяет ни одной из сторон посмотреть на проблему в ином свете: с точки зрения возможности ограничения своих собственных ценностей и прав, установления для них исключений, которые могли бы обеспечить пространство для диалога о примирении и включенности в демократическом плюралистическом обществе.

Кроме того, здесь постоянно смешиваются две абсолютно разные проблемы: борьба с экстремизмом и терроризмом, в том числе и исламским, и взаимоотношения светского общества с религией, в частности с исламом.

Еще раз подчеркнем: терроризм не имеет оправдания. Никакие мировоззренческие споры не решаются с помощью автомата, и никакая вера не насаждается с помощью тротиловой шашки. Однако автомат держат конкретные люди, в том числе и те, что пришли в редакцию Charlie Hebdo, а не религия как таковая. И к ответственности должны привлекаться конкретные люди или организации, а не вера или убеждения.

¹ Ronald K. L. Collins Comedy and Liberty: The Life and Legacy of Lenny Bruce // Legal Studies Research Paper. – 2013. – № 79. – P. 66.

Во взаимоотношениях европейских обществ и ислама не все так просто, как кажется на первый взгляд. Европейские демократии – светские, а это означает в том числе, что все религиозные объединения, соблюдая демократические требования, могут свободно развиваться, а граждане вправе рассчитывать на уважение к своим религиозным убеждениям (если последние не связаны с нарушением норм права, и в первую очередь прав человека). Европейские демократии также утверждают и охраняют свободу слова, полагая ее практически абсолютной.

Тем не менее, мысль о том, что любой конфликт религии и свободы слова, должен решаться в пользу последней – достаточно спорна. Практика Европейского суда по правам человека знает противоположные примеры. Так, в деле «Институт Отто-Премингер против Австрии» суд признал правомерными действия австрийских властей, изъявших из показа фильм, в котором Иисус вступал в сговор с дьяволом о наказании человечества сифилисом. В деле «Уингроу против Соединенного Королевства» было принято аналогичное решение в связи с запретом проката фильма, в основе сюжета которого – сексуальные фантазии на тему Иисуса. А в деле «И.А. против Турции» Суд назвал повесть с кощунственными комментариями о пророке Мухаммеде «агрессивной атакой на исламского пророка». Да и в целом, Европейский суд, который ради «открытых межчеловеческих отношений, являющихся необходимым элементом общественной жизни» недавно (в деле С.А.С. против Франции) признал приемлемым запрет на ношение исламского платка в общественном месте, вполне мог бы признать, что открытые межчеловеческие отношения не предполагают оскорбление чувств других людей.

Европейский суд допускает, что в наиболее радикальных, оскорбительных для верующих и их чувств ситуациях, государство может ограничивать реализацию свободы слова. Какие же ситуации следует считать таковыми?

Британский профессор философии права Дж. Летсас пишет о том, что оскорбительными являются высказывания, которые не содержат информации, не стремятся дать информацию и не воспринимаются как информативные в

рамках любых продолжающихся публичных обсуждений¹. Выстраивание в один смысловой ряд Христа и сифилиса, сжигание Корана или изображение вытирания ног о религиозное изображение – именно такие высказывания. Они ничего не привносят в обсуждение места религии в обществе, правильности или неправильности религиозных предписаний, проблем религиозного экстремизма и способов его преодоления. Они нацелены лишь на демонстрацию ничтожности и абсурдности религиозных убеждений и самой религии.

Безусловно, есть много оттенков религиозной критики, большую часть которых охватывает право на свободу слова и творчества. Фильмы «Последнее искушение Христа» Мартина Скорсезе или «Догма» Кевина Смита, панк-молебен Pussy riot породили немало споров, однако то, что их общественный посыл не направлен лишь на оскорбление чувств верующих, представляется нам не требующим доказательств.

В то же время тот, кто думает, что любой подобный акт насмешки или брани в адрес религии однозначно правомерен и допустим в светском обществе, подобен курильщику на бочке с бензином. Религия – не просто набор предписаний и культовых практик. Религия – это картина мира, содержащая для верующего ответы на наиболее важные жизненные вопросы, как писал Ю. Хабермас, способ опосредования жизненной формы в целом. И такие ответы значат для религиозного человека гораздо больше, чем его политические взгляды или эстетические пристрастия. Религия тем ценна для человека, что она является частью его идентичности.

Не понимать этого – значит закрывать глаза на проблему. Последнее, может быть, успокаивает, но не добавляет светскому обществу толерантности, а сидящему на бочке с бензином – безопасности. Сегодня часто звучит очень красивая и во многом правильная мысль: «Смеются не над пророком, а над тем, как слово пророка используется фанатиками, как из буквы учения происходит насилие над инакомыслием». Но, во-первых, такая постановка вопроса сразу задает некоторое превосходство европейца над мусульманином (европейца в

¹ 'Is there a Right not to be Offended in one's Religious Beliefs?' in Lorenzo Zucca (ed) // Law, State and Religion in the new Europe: Debates and Dilemmas. – Cambridge University Press, 2012.

культурном смысле, а не по происхождению). И во-вторых, если кто-то считает, что поиск истины в такой способ (даже если действительная цель была не обидеть, а указать на глупость фанатиков) является для него оскорблением, унижает его достоинство, то почему бы не задуматься над этим?

Важно также понимать, что религии и религиозные общины не одинаковы. Одно и то же действие может вызывать разные эмоции и реакции у представителей различных верований. Когда в 80-е годы XX века карикатурист Жак Эффель создал книгу «Сотворение мира», где карикатурно изображались христианский Бог, акт творения, Адам, Ева и т.п., Ватикан осудил только одну карикатуру, и то по сугубо догматической причине: на ней изображался Бог, создающий лилицу, и рядом дьявол, конструирующий моль. Ватиканские богословы сказали, что дьявол не может рассматриваться как творец чего-либо. Подобные карикатуры на Мухаммеда или Аллаха объективно задевают мусульманина гораздо сильнее, чем христианина. Это не дает мусульманам права на акты агрессии и насилия, но подобные моменты нужно иметь в виду, определяя реакцию государства на те или иные публикации или перформансы. Любые конфликты в сфере религии должны решаться цивилизованно, что означает, например, проведение переговоров и обращение в суд.

Простого рецепта решения данной проблемы нам не изобрести, как бы ни хотелось действовать согласно точным, почти математическим, формулам. И всё же в неких отправных точках нужно определиться:

1. *Признание отсутствия иерархии в соотношении таких фундаментальных ценностей как свобода слова и свобода религии*¹. Принципы универсальности, неделимости и взаимозависимости прав человека предполагают, что права человека осуществляются в условиях, где права *сосуществуют* друг с другом. Сосуществование прав не только предполагает, что их осуществление следует рассматривать в ограничительном смысле в

¹ Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Expert seminar on the links between articles 19 and 20 of the International Covenant on Civil and Political Rights “Freedom of Expression and Advocacy of Religious Hatred that Constitutes Incitement to Discrimination, Hostility or violence” (Geneva, 2-3 October 2008).

связи с необходимостью реализации других прав, но также подразумевает основополагающее значение понимания взаимозависимости прав человека¹.

В этом контексте реализация свободы религии требует обеспечения и защиты других свобод, включая свободу выражения мнений и свободу собраний и ассоциаций. При этом право на свободу религии не защищает религию или иные убеждения как таковые. «Право на свободу религии и убеждений, как это закреплено в соответствующих международных правовых нормах, не включает в себя право на религию или убеждения, которые свободны от критики или насмешек. Иными словами, свобода религии в первую очередь дает право действовать в соответствии с той или иной религией, но не гарантирует верующим, что их религия будет защищена от каких бы то ни было неблагоприятных комментариев. Тем не менее, это не означает, что защита религиозных символов от оскорблений и клеветы не подпадают под действие права на свободу религии.

Таким образом, на первый план должен выходить не конфликт ценностей, а их взаимозависимость и взаимодополняемость, а значит – необходимость поиска баланса.

2. *Свобода слова, безусловно, не является абсолютной.* Прямо говорят об этом ст. 19, ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 10 Конвенции о защите прав и основоположных свобод. В установлении соответствующих ограничений признается достаточно широкая свобода усмотрения государства. Данная позиция обусловлена отсутствием единой европейской концепции в рассматриваемых вопросах.

К слову, история разработки ст. 19 Всеобщей декларации прав человека показывает, что один из ее проектов предусматривал ограничение свободы выражения мнений в виде запрета на «публикацию и распространение в иной способ в средствах массовой информации мнений, имеющих целью или способных причинить вред либо подстрекающих к предубежденности либо ненависти в отношении лиц или групп на основании их расовой

¹ The Report of Special Reporter on Freedom of Religion or Belief, Mrs. Asma Jahangir and Special Rapporteur on Contemporary Forms of Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance, Mr. Doudou Diene UN Doc.A/HRC/2/3. – P. 10.

принадлежности, языка, религии или национального происхождения»¹. В окончательный текст эта оговорка, однако, не вошла².

Следует отметить, что Европа и США выбрали в данном вопросе разные стратегии. Так, если говорить о США, то считается, что до 1960-х годов в США существовала модель иммиграции, согласно которой иммигранты должны были ассимилироваться с существующими культурными нормами, и, со временем, стать неотличимыми от уроженцев страны в своей речи, одежде, досуге, кухне, размере семьи, и так далее. Однако, начиная с 1970-х годов, широкое признание получил вывод о том, что такая модель – модель ассимиляции – является нереализуемой и несправедливой. США приняли более терпимый, или «мультикультурный», подход, который позволяет иммигрантам поддерживать различные аспекты их этнического наследия. Иммигранты могут свободно придерживаться своих старых обычаев, касающихся питания, одежды, отдыха, религии, и объединяться друг с другом, чтобы сохранять эти практики. Такое поведение уже не получает оценку «непатриотичного» или «противоамериканского».

Кроме того, американцы крайне осторожно относятся к наделению государства полномочиями по ограничению свободы слова. Они не доверяют государству. Это привело к формированию американской традиции так называемой самоцензуры в СМИ. По признанию многих, именно самоцензура помогла сделать Америку одним из самых гармоничных многонациональных и многоконфессиональных обществ³. Данная традиция ярко себя проявила, когда СМИ в США в основной своей части отказались опубликовать карикатуры на Пророка Мухаммеда. Так было в 2005-2006 году, так случилось и теперь, в 2015 году.

¹ Press Should Not be Free to Spread Race Bias (Excerpt from a statement to the Sub-Committee on Freedom of Information and of the Press by Dr. Maurice Halperin, Secretary of the Coordinating Board of Jewish Organizations, delivered January 21, 1948).

² Morsink J. The Universal Declaration of Human Rights: Origins, Drafting, and Intent / Johannes Morsink. – University of Pennsylvania Press, 2000. – P. 67.

³ When cartoons are the news / Artists confront issue of how to address protests sparked by Muhammad's image

Heidi Benson, Chronicle Staff Writer // <http://www.sfgate.com/politics/article/When-cartoons-are-the-news-Artists-confront-2505132.php>.

Европа пошла другим путем. Прежде всего, в европейских государствах достаточно много законов, запрещающих высказывания, разжигающих ненависть либо отрицающих Холокост¹. Однако высказывания могут быть разными, а потому и отношение государства к ним будет неодинаковым. В наиболее общем виде можно выделить три группы форм выражений: 1) те, которые квалифицируются как преступления (многие страны Европы ввели в свое законодательство соответствующие нормы; на этот счет также есть Рамочное решение Европейской комиссии от 28 ноября 2008 года по борьбе с определенными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права); 2) формы выражения, которые не являются уголовно наказуемыми, но могут стать предметом гражданского иска; и 3) формы выражения, которые не влекут ни уголовной, ни гражданской ответственности, однако могут выступать предметом обеспокоенности с точки зрения терпимости, корректности и уважения к религии или убеждениям других людей.

3. Основные опасения, как правило, связаны с тем, что *ограничение свободы слова в интересах защиты религии может поставить под угрозу само право, поскольку предполагает довольно широкие дискреционные полномочия государства*². История знает слишком большое количество примеров, когда новые идеи, теперь составляющие неотъемлемую часть современной жизни, первоначально признавались неприемлемыми и преследовались государством³.

Однако угроза злоупотреблений государства не должна приводить к отрицанию необходимости ограничений свободы слова. При этом само государство, кроме всегда существующего контроля со стороны гражданского общества, подлежит действию давно выработанных, в первую очередь, Комитетом ООН по правам человека и Европейским судом по правам человека,

¹ При чем в общественном дискурсе присутствует мысль, что Холокост – не предмет не только для отрицания или насмешки, но и юмора. В феврале 2015 года Центр Симона Визенталя потребовал запретить посвященную Холокосту выставку в музее эстонского города Тарту, где предлагалось взглянуть на Катастрофу с «юмором и иронией».

² Temperman J. State–Religion Relationships and Human Rights Law Towards a Right to Religiously Neutral Governance / Jeroen Temperman, 2010. – 382 p.; The Human Rights Committee's Concluding Observations, e.g.: A/48/40 (1993), paras. 587 and 607 (Ireland).

³ Let Charlie Be Charlie / Eric B. Schnurer is president of Public Works LLC, a national public policy consulting firm advising state and local governments // <http://www.usnews.com/opinion/blogs/eric-schnurer/2015/01/16/were-not-all-charlie-hebdo-but-we-all-need-free-speech>.

требований к ограничению прав и свобод: такие ограничения не должны ставить под угрозу само право; государство должно обосновать их необходимость в демократическом обществе; они должны быть предусмотрены законами и преследовать легитимную цель; вводимые ограничения должны быть пропорциональными.

Именно поэтому когда заходит речь о соотношении свободы слова и свободы религии, часто подчеркивается особое значение независимой судебной системы – ведь именно на ее плечи ложится задача оценить, насколько добросовестно государство выполнило приведенные выше требования, устанавливая соответствующие ограничения.

4. *Понимание чуждости для мусульман судебных и иных юридических механизмов.* Возможно, в некоем идеальном мире ответом на обидные карикатуры становятся другие обидные рисунки. Ответом на книгу, которая вызывает гнев, выступает отказ от ее прочтения. Реакцией на фильм, который оскорбляет те или иные чувства, может быть его бойкот¹. Кроме того, для европейца является самоочевидной вещью, что каждый считающий свои права нарушенными и чувства оскорбленными может искать защиты в суде.

Но проблема ислама в Европе, возможно, еще и в том, что его приверженцы крайне редко готовы отстаивать свои права в суде. Именно потому что возможность отстоять свое право в суде не является исламской ценностью. Должно ли вмешиваться государство, если сам якобы страдающий о нарушении своих прав не заявляет об этом с помощью предусмотренных юридических механизмов? На данном этапе развития общества считаем, что да. Под контролем гражданского общества, но должно. Тут возможна параллель с преодолением общественных стереотипов в отношении социальной роли женщины, места в обществе афроамериканцев и т.д.: государство не заявляло о своей нейтральности и не предлагало ограничиться предоставлением указанным социальным группам общего набора правовых возможностей. Этот опыт совсем недавний и он стоит перед глазами западного мира, который

¹ JeSuisCharlie? No, I'm really not Charlie Hebdo: Here's Why / Sandip Roy // <http://newamericamedia.org/2015/01/jesuischarlie-no-im-really-not-charlie-hebdo-heres-why.php>.

почему-то не хочет им воспользоваться для решения проблемы мусульман в Европе.

Проблема, как представляется, усугубляется еще и тем, что в тех редких случаях, когда мусульмане все же обращаются в суд, то они, как правило, получают отказ. Редакция Charlie Hebdo в 2008 году газета выиграла судебный процесс по иску от представителей мусульманских общин, возмущенных перепечаткой карикатур на Пророка Мухаммеда. В редакции тогда объясняли, что еженедельно публикуют множество провокационных материалов на различные темы, однако резко негативную реакцию вызывают только карикатуры на Пророка.

5. Но всё же основное: столь сложные проблемы не решить, рассматривая право в качестве простого надзирателя или инструментальной силы в политике мультикультурализма¹. *Право, если продолжать мысль Л. Цукки, должно быть элементом политики толерантности, выступающей частью повседневной жизни.* В то же время, ее реализация может быть затруднена из-за существования укоренившихся предрассудков и страхов, основанном на них недопонимании других людей. Взаимное знание рассеивает предрассудки, поэтому абсолютно необходимо развивать и поощрять практику толерантности. Если страх переполняет нас, то он одновременно омрачает наш разум. Мы отказываемся знать предмет наших страхов. Это касается мусульманских меньшинств в Европе. Многие рассматривают их как угрозу Европе и именно так изображают их в средствах массовой информации. Результатом становится безграничное противление отдельным либо всем проявлениям поведения данного меньшинства. В большей своей части такая реакция основана не на знаниях, а на стереотипных представлениях. Возникает фобия – систематический страх в отношении лиц или объектов, который уже укоренился и не может быть преодолен с помощью обычного познавательного процесса. Сегодня в Европе широко распространена исламофобия, то есть систематический страх в отношении религиозного меньшинства, который

¹ Benjamin L. Berger. The Cultural Limits of Legal Tolerance / Benjamin L. Berger. – The Canadian Journal of Law and Jurisprudence. – 2008. – Vol. XXI, №. 2. – P. 245.

противопоставляет его светскому западному обществу. И простого выхода из этой почти тупиковой ситуации нет¹.

Право может способствовать толерантности и здоровой среде в разных направлениях. Среди них – оно может и должно *стимулировать взаимное знание, предоставляя платформы культурного обмена*, начиная с начального образования, где можно узнать о религиозных различиях. Завершает свои размышления Л. Цукка следующим тезисом. Общество, которое приковано к конфликту и истерии, будет способно продуцировать лишь те законы, которые не нарушит большинство. Как следствие, меньшинство будет заглушено и подавлено. И наоборот, общество, рассматривающее конфликты в качестве возможности принятия участия в дальнейшем обмене знаниями друг о друге, будет сильным и стабильным, ему будет гораздо легче не распасться на части.

Право тут не должно опустить руки и не может сослаться на то, что это за пределами его регулирования. Действительно, праву не по силам разрешить дилемму, но оно может помочь смягчить ее негативные проявления. И важно помнить, что решение на основании права – это всегда конвенция; и всегда существует риск, что право будет отдавать приоритет религии или мировоззрению большинства и это утвердит ее/его господство навсегда. Поэтому *основная задача права – найти баланс*. Его нельзя рассчитать, но можно контролировать. И еще одно важное, на наш взгляд, замечание, сделанное К. Энгелем: «Если строгое следование правовым принципам таит в себе угрозу протеста, то власть может действовать более осторожно. Она может начать с установления принципа и предоставления исключений на некоторое время, объявив, что постепенно регулирование станет строже. Если сообщество уже значительно продвинулось на пути к толерантности, власть может навязывать более тщательный контроль»². Иначе говоря, мы должны признать, что нет универсальной модели поиска необходимого баланса. Общество может

¹ Яркое тому подтверждение – высказывания в соцсетях, причем часто от юристов, сводящиеся к тому, что мусульмане являются выходцами из стран, где законом установлены наказания в виде избияния камнями, лишения конечностей и т.д., где уголовными преступлениями считаются употребление спиртного и азартные игры. «Сегодня они расстреляли людей за карикатуру, а завтра отрежут нос жене за прелюбодеяние. Это явления одного порядка».

² Engel Ch. Law as a Precondition for Religious Freedom. – Preprints of the Max Planck Institute for Research on Collective Goods. – Bonn 2011/6. – 21 p. // http://www.coll.mpg.de/pdf_dat/2011_06online.pdf.

использовать разные модели, в том числе «делку с религиозными общинами», если они готовы обеспечить автономное регулирование определенных сфер жизни не на основании государственного, а на основании религиозного права. И если в обществе есть конфликт, в первую очередь между большинством и меньшинством, то надо искать временный компромисс, а не настаивать на неукоснительном следовании общей модели регулирования.

6. *Важная роль гражданского общества.* «Правительство, которое рассматривает себя в качестве тонкой линии между гражданским обществом и яростным расизмом, лишено веры в свой народ»¹. Профессиональные и саморегулирующиеся организации играют важную роль в повышении осведомленности общества о его разнообразии, решении спорных вопросов межкультурного диалога, в том числе нравственного, художественного, религиозного или иного характера. Благоприятная среда должна обеспечиваться путем содействия добровольному развитию механизмов саморегулирования, в том числе в сфере СМИ (советы по делам прессы, профессиональной этики и т.п.). Должны разрабатываться учебные программы, способствующие лучшему пониманию вопросов, связанных с расизмом и дискриминацией, поощряющие терпимость в обществе. Кроме того, внутренние кодексы поведения представителей СМИ как механизм саморегулирования могут запрещать использование оскорбляющих стереотипов, ненужных ссылок на расу, религию и связанные с ними атрибуты.

Цивилизованное решение предполагает разумный компромисс, а не победу религии или над религией. И в этом – действительная толерантность.

¹ Tom Switzer, Nicole Hemmer. Charlie Hebdo Hypocrisy: offensive speech demands scrutiny, not censorship // <http://www.smh.com.au/comment/charlie-hebdo-hypocrisy-offensive-speech-demands-scrutiny-not-censorship-20150119-12t5m4.html>.